

Хорошие актеры и плохие спектакли

Строжили предсказывали, что наустро будет метель, потому как отбытия был бы на мороз ранний. Мало ли какая задержка может приключиться в пути! А тут, presto! — неслыхан! — почти сто километров на автобусе: от здания Куйбышевского театра, что выскит над Волгой, на Паренинскую, затем на Курумич, мимо отрогов Жигулевских гор, зимнего леса и песчаных степных полей, по ровной магистрали — к посёлку Комсомольский. Маршрут не был чужим для артистов. Им часто приходилось бывать и в Комсомольском, и в Жигулевске, и в Порт-Горете, и в Старополе, расползающемся в море будущего моря. Как правило, раз в месяц коллектив театра показывал один из своих спектаклей строителям Куйбышевской ГЭС.

..Вот, наконец, и посёлок Комсомольский. Недалеко здесь было всего несколько домов. Теперь это целый город, потеснившийся молодой освоенной бор. Недалеко отсюда строили клубы в центре посёлка. Афиши, исполняющие о смотре самодеятельных кружков, о новой киноматроне, о сегодняшнем спектакле Куйбышевского театра.

Спектакль «Калиновка ропа» идет дважды — днем и вечером, и каждый раз зал на 400 мест переполнен. Люди сидят на приставных стульях, тычутся в боквалы локтями. Смотрят и слушают внимательно, смеются над Романовым и Ваканзенко, а в антракте, дескать, неспешными, говорят о том, что в труппе много по-настоящему талантливых артистов, но чтобы получить полное представление об их искусстве необходимо... ехать в Куйбышев.

И в самом деле, трудно составить мнение о возможностях коллектива, о внешней культуре постановок театра, о каждом исполнителе в отрывании, посмотрев «Калиновку ропа» на мезе! Спектакль заметно разболзавал и составился: многие исполнители оговаривались забыли текст, трепали свои робы с наивностью и неохотой. Ветко, жалкое оформление украшает сценическую площадку, а мешку ты на афише значился нем главного художника театра, лауреата Сталинской премии Ю. Бачичева. А сколько замес и шумов в «Калиновке ропа»!

Все это глупо валулет и самих актеров. Из разговоров становилось понятно,

В Куйбышевском драматическом театре

что не только пьесе Корнейчука, но и «Восприимчивости», и «Шелковому созан» не вавет на выездах. На вопрос, почему же до сих пор руководители театра не заинтересовались судьбой выездных спектаклей, актеры отвечали уныло: «До маю ли у нас и других бед!».

..За кулисами в красном уголке висит старый, трехмесячной давности номер стоиной газеты. Но есть в этом устаревшем номере карикатура, которая не утратила своей злободневности: главный режиссер театра В. Зингаров и директор Л. Михайлов сидят на острове, закинутом удочку и ждут, не поплывет ли «рыбка» («рыбка» — это репутарный план на 1953 год).

Существовала некогда хорошая традиция в Куйбышевском театре — бороться за свой, оригинальный репертуар. Эта традиция в значительной степени определилась в творческое лицо коллектива, первым в ступлю поставившего «Крестность на Воле» — спектакль, удостоенный Сталинской премии. Впервые увидела здесь свет рампы и пьеса о С. Орджоникидзе — «Путь в тридцатьше». Но дух творческого дерзания покинул Куйбышевский театр. Его руководители пренебрегли протроневыми доводами, вниманье их привлекло лишь то произведение, которое сложилось солидностью рекомендательной. Поворот в возможности начинающего писателя, увлеченного голубавыми им пьесой, наконец, иметь свое собственное мнение о ее сильных и слабых сторонах — на это, очевидно, не способны ни Л. Михайлов, ни В. Зингаров. Их пассивная позиция привела к тому, что пьеса местного автора Н. Иртзева «Командир крестности», пережившая в свое время Куйбышевскому театру, перодана в Сталинградский театр, а содержание с В. Кузнецовым, лишившим о строительствте безобразула, и с А. Снегидским, работавшим над пьесой о коммунистиче-

ской морали, приняло довольно странную форму. По существу, так и не явив, отказался или не отказался театр от постановки этих пьес, даже он или не вошел в возможность их завершения. Не знают об этом и автор, и автор, иже несказанным повороты в их творческой судьбе!

Продолжая, например, в театре, что пьеса А. Снегидского получила хорошую оценку на семинаре молодых драматургов в Москве. «Мы непременно будем ее ставить», — убежденно заявлял директор. Но вот стало известно, что пьеса не вращивается одному из руководящих работников области, и вопрос о постановке «Дети Малахова» механически снимается с повестки дня...

Что касается пьесы В. Кузнецова, то ее до сих пор не читали в труппе. Но это обстоятельство не мешало руководству уже несколько раз переменить свое мнение и об этой пьесе.

«В творческом содружестве с театром написала пьесу местный драматург, работавший многолетней газетой строителя Куйбышевской ГЭС В. Кузнецов», — сообщил в августе директор Л. Михайлов.

Прошло пять месяцев. Не получившая пьеса у Кузнецова, — столь же убежденно заявлял тут Михайлов. А еще через несколько дней приходит рецензия из Комитета по делам искусств РСФСР, в основном положительно оценивающая пьесу, и снова возобновляется перерывное было «содружество»...

..Актер достает аккурзатуру, в которой переписана записанная книжка. — Неожиданно, и только проверю свое расписание, — говорит он, перепорачивая страничку. — Ситуация — «Любовь Иропова»: завтра днем — репетиция, вечером — «Смелая», послезавтра днем — репетиция, вечером — «Укрощение строптивой», и субботу днем — репетиция, вечером — «Великий государь»; в воскресенье утром и вечером — «Восприимчивость».

Номинат немого, он продолжает: — Вот, казалось бы, все время — отзаво любимому делу, и роли играй хорошие, а удомствования нет. Скучно, неинтересно мне сейчас работать. Творчества не стало...

В Куйбышевском театре есть замечательные артисты: З. Чекасасова, В. Кузнецов, В. Буре, Г. Шебуев, А. Чалый, В. Михайлов, В. Ершова, Н. Засухин, Г. Аппапольский и многие другие. Есть в труппе и опытные мастера и способные молодые, в большинстве своем — недавние воспитанники театральных вузов. Базалось бы, какие большие возможности, какие перспективы у театра! Но, странное дело, за последние время здесь резко ухудшилось качество спектаклей. О неукладке театра говорят артисты, пишет газета «Волжская коммуна», согласны с этим и сами актеры, искренно огорченные и возмущенные неутешительными результатами своего труда.

Вот спектакль «Любовь Иропова», поставленный в Октябрьской годовщине В. Зингаровым. Смотреть его и убеждаешься, да, в Куйбышевском театре — слабая актерская состав! И тем не менее пылкого пылания от спектакля нет. В нахлест сохраняются лишь разрозненные эпизоды, комедийные спринты, но, ускользающее главное, по чью него написана пьеса Г. Тренера, но имя чью ставится сегодня это замечательное произведение советской классики. Вместо величайших, исполненных революционного пафоса событий — калейдоскоп происшествий, ноевских частностей характера, спектакль, то второстепенные эпизоды поданы крупным планом, а значительные по своему идейному содержанию сцены стали мелкие, утрачены масштабность.

Смотрящий другой спектакль — «Укрощение строптивой» (режиссер А. Михайлов) и снова убеждаешься в том, в чем не было сомнений еще до поднятия завесы: много интересных актерских индивидуальностей в труппе Куйбышевского театра! Но и шекирсовская конюшня по производству впечатления целого, монументального создания. Иропа, похлонуло, степенно, неуклонно, шаблонно. Логика действия, проза жизни, еликий небы бытий, то и дело журнанирует нарочитым, выдуманным, отвлеченным в сторону от основного. Стремление к сдержанности должно быть сиюминутным, вырванным, прохлывающим через все пьесу и роль. — Говорил Б. С. Станиславский. «Два слова звучат в каждом эпизоде, — учила В. П. Нечиронич-Данченко. Но их мудрые залоты кажутся нарочно забытыми тем, кто ставил «Любовь Иропову» и «Укрощение строптивой». А между тем, если взять режиссерскую разработку той же «Любовь Ироповой», — разработку, которая зачитывалась и обсуждалась на художественном

совете, прежде чем режиссер приступил к репетициям, — оказывается, что все в ней благополучно: и сверхзадача сформулирована точно и жанр будущего спектакля определен верно. Почему же, однако, во имя чего ставился спектакль, остаются лишь на бумаге, теряются в пропессе естественного воплощения, не достигают зрителя?

..В ходе прений на производственном совещании, посвященном спектаклю «Любовь Иропова», в многочисленных беседах с артистами, на обсуждении спектакля «Укрощение строптивой» определялись две позиции, две различные точки зрения на положение дел в театре. Кто-то считал, что все обстоит в основном благополучно, но она оказалась в меньшинстве. Все же остальные говорили о существенных, коренных недостатках, тормозящих работу коллектива. Говорили о том, что в Куйбышевском театре так и не обосновались творческие традиции Б. С. Станиславского: что режиссер не может углубленной психологической работы с исполнителем, не будит его творческую фантазию, в требует лишь выполнения внешнего рисунка роли, зарисовку прикладной мизансцены. что репетиции перестали быть творческой лабораторией, где производится инициатива, самостоятельность артиста, где и результаты творческих поисков рождаются образы...

Наши режиссеры зачитывают подробные экспозиции на художественном совете. В этих экспозициях бывает все: и исторические обстоятельства, и сверхзадача, и сквозное действие. А дальше все это нагло забывается и начинается...разводка; режиссер, как шахматная фигура, переносит актеров по сценической площадке.

..Душой болели за свой театр, за судьбу каждого спектакля, а в тебе видят лишь технического исполнителя. Режиссер унылнатиноно продвигает мизансцену, вышине паразитические средства. А если тебе не убеждает, «не греет» то, что тебе предложено, все ты хочешь попробовать свое решение образа, — раздается любимая фраза режиссера А. Михайлова: «Категорически запрещено».

Мы парились в собственном соку, в теплоте психистичности, не выходя из театра, но, одним спектаклем других театров, мы критерием к собственным недостаткам, переиграли их замечать. Хорошо бы поработать с кем-нибудь из ведущих мастеров московских театров. А может быть вырванный учебный спектакль по-

ставить, чтобы и старые и молодые совершенствовали свое профессиональное мастерство, на практике осваивая систему Б. С. Станиславского?

Об этом говорит актеры. Вот чем обеспокоены и возмущены сейчас рядовые члены коллектива Куйбышевского театра. Требуя отнесения к стоку труду, они понимают, что театр не имеет права выдустать серые, проходные спектакли.

Но, как бы странно, иного мнения придерживаются руководители Куйбышевского театра. Вместо того чтобы задуматься над замечаниями, которые приходится слышать от актеров, В. Зингаров счас себя не заслуженно и глубоко оскорблен. Неудачно поднимает насмешки и директор Л. Михайлов. «Мы встретились мозговым с распространителями обиды, мы доем их люди — чего же из них не хватает?». В каждом выступлении на собрании он остается видеть дезориентацию, научную ошибку, чуть ли не личное злодеяние. И вместо того, чтобы вынужден в сдержанно критических выступлениях, он пеняется на отдельные неучувствительные фразы и формулировки в этих выступлениях; и аполония их и любит вспоминать, вышучивая.

Не разобравшись в том, что происходит сейчас в коллективе, хотя руководители театра, а во то бы то и стало опровергнуть критику, доказать, что все-де благополучно.

«Мы порешили подлинно проанализировать диффу вышедших спектаклей», — говорит директор, уминая о качестве спектаклей «Калиновка ропа» и ряда других, поахланных на клубных сценах. «Мы выдвинули молодых актеров, поручаем им ответственные роли», — продолжает он, забывая, что молодые, играющие в театре составе, репсуею не уделяется должного внимания, что молодые исполнители владеют в спектаклях почти без поддержки. «Мы должны укладываться в жесткие сроки. Мы не имеем возможности устранивать да репетициях беспорядочные поиски и пробы. Это — производное, а не театральный институт», — заключает он, не учитывая при этом, что сейчас на всем производстве злом доминирует и совершенствуют свое искусство, что нельзя создать спектакль без творческой инициативы его участников, что в основе работы театра лежат принцип коллективного творчества.

О. ДЗЮБИНСКАЯ.
Спец. корр. «Советского искусства»,
г. КУЙБЫШЕВ.